
КОЛОСОВА Е.И.¹ ТЕКСТОЛОГИЯ И БИБЛЕИСТИКА В ЕВРОПЕ XVIII–XX вв. (Обзорная статья)

Аннотация. С первой половины XVIII в. в Англии началась активная редакторская деятельность, благодаря которой ученые обратились к ранее неизвестным латинским и древнеанглийским литературным произведениям. Традиция английской текстологии берет начало с Р. Бентли, чьи методы оказали влияние не только на английских ученых, таких как Э. Уэллс, но и немецких текстологов, например К. Лахмана. Многие текстологи XVII–XIX вв. работали как с античными, так и библейскими текстами. Связь между филологией и теологией особенно отчетливо проступила в XIX в. В обзоре описываются текстологические методы, которыми пользовались ученые при издании античных произведений и текста греческого Нового Завета.

Ключевые слова: текстология; библеистика; теология; Ричард Бентли; Карл Лахман; метод Лахмана; греческий Новый Завет; Античность.

Для цитирования: Колосова Е.И. Текстология и библеистика в Европе XVIII–XX вв. (Обзорная статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. – 2023. – № 1. – С. 29–39. DOI: 10.31249/lit/2023.01.02

KOLOSOVA E.I.¹ Textual criticism and biblical studies in European philology from the eighteenth to the twentieth century

¹ Колосова Екатерина Игоревна – младший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН, e-mail: kolosova@inion.ru

Abstract. The progress of publishing and editorial activity in England began in the first half of the eighteenth century. As a result, scholars turned to previously unknown Latin and Old English literary works. The tradition of English textual criticism originates with R. Bentley. His methods influenced both English scholars, such as E. Wells, and German textual critics, such as K. Lachmann. Many seventeenth-nineteenth-centuries textual critics worked both with ancient and biblical texts. The connection between philology and theology clearly came to the fore in the nineteenth century. This review examines the approaches followed by scholars while editing the ancient works and the text of the Greek New Testament.

Keywords: textual criticism; biblical studies; theology; Richard Bentley; Karl Lachmann; Lachmann's method; Greek New Testament; antiquity.

To cite this article: Kolosova, Ekaterina I. "Textual criticism and biblical studies in European philology from the eighteenth to the twentieth century", *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7 : Literary studies*, no. 1, 2023, pp. 29–39. DOI: 10.31249/lit/2023.01.02 (In Russian)

Текстология как «наука обнаружения ошибок в текстах и искусство их устранения» [Housman, 1972, р. III], по определению одного из самых известных поэтов-эдвардианцев А.Э. Хаусмана (Alfred Edward Housman, 1859–1936), существует уже на протяжении более двух тысяч лет и остается важной отраслью филологии по сей день. Задача текстолога заключается в исследовании рукописной традиции конкретного произведения, как правило, с целью реконструировать его протограф, отвечающий авторской воле в той степени, в какой это возможно. Дошедшие до нас античные и средневековые манускрипты неоднократно копировались, и переписчики нередко допускали как грамматические, так и лексические ошибки, неверно толковали слова, ошибались в правописании имен, географических наименованиях и т.д. Реконструкция древнего текста требует знания различных практик и привычек пере-

¹**Kolosova, Ekaterina Igorevna** – Junior Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, e-mail: kolosova@inion.ru

писчиков, а также знакомства с языком и стилем конкретного автора. Кроме прочего, немаловажную роль играет особого рода интуиция, руководствуясь которой, специалист может восстанавливать пропущенные слова или даже целые предложения.

В Англии с первой половины XVIII в. начинается активная издательская деятельность, в результате которой в научный оборот были введены ранее неизвестные латинские и древнеанглийские источники. Традиция английской текстологии берет свое начало с Ричарда Бентли (Richard Bentley, 1662–1742) – английского богослова, филолога и библейского критика. Одним из наиболее значительных его трудов считается комментированное издание произведений Горация, опубликованное в 1711 г. Источником всех средневековых рукописей поэта Бентли считал экземпляр древнеримского аристократа Маворция (Vettius Agorius Basilius Mavortius, ум. не ранее 534). Опираясь на него и ряд других материалов, ученый внес по меньшей мере семьсот изменений в корпус древнегреческого поэта. Исправления подверглись критике со стороны исследователей XX в.¹, однако ценность труда заключалась не только в предложенных правках. В предисловии к изданию Бентли выделяет качества хорошего текстолога, которые, по его мнению, являются исключительно врожденными, – способность выносить суждения о тексте, научная проницательность, аналитические способности и умение выдвигать аргументированные, убедительные гипотезы. В духе рационализма Нового времени он советует полагаться в первую очередь на разум и научные методы. Однако М. Лэпидж обратил внимание на некоторую непоследовательность Бентли. С одной стороны, он писал: «...nobis et ratio et res ipsa centum codicibus potiores sunt» (разум и [знание] предмета имеют больший авторитет, чем сотня рукописей) [Lapidge, 1991, р. 19]. С другой стороны, он прилагал значительные усилия, чтобы ознакомиться со всеми имеющимися вариантами издаваемых текстов, включая самые ранние, хотя, как следует особо отметить, при жизни Бентли каталоги рукописей не являлись общедоступными – они станут таковыми лишь на рубеже XVIII–XIX вв.

¹ См.: Shackleton Bailey D.R. Bentley and Horace. – Leeds : Chorley & Pickersgill, 1963. – P. 105–115; Jolliffe H.R. The critical methods and influence of Bentley's Horace. – Chicago : Univ. of Chicago, 1936.

Напротив, профессор Чикагского университета К. Хоген не видит противоречий между высказываниями Бентли и практикуемыми им методами. Его мировоззрение и способ мышления были обусловлены актуальными на рубеже XVII–XVIII вв. социокультурными факторами. Возводя в абсолют познавательные способности человека, Бентли «не мог отказаться от своих привычных научных практик» [Haugen, 2011, p. 5] – разработки научного аппарата своего исследования, аргументированного комментария и опоры только на авторитетные источники. Благодаря такому строгому подходу имя Бентли оставалось синонимом классической учености на протяжении всего XVIII в. и позднее [Haugen, 2011, p. 230].

Английский писатель и эссеист Томас Де Квинси (Thomas de Quincey, 1785–1859) отдал Бентли дань уважения в своей «Исповеди англичанина, любителя опиума» (*Confession of an English Opium-Eater*, 1822), включив его, наряду с Р. Порсоном (Richard Porson, 1759–1808) и Л. Валькенаром (Lodewijk Caspar Valckenaer, 1715–1785), в состав «величайшей триады исследователей греческих текстов, которые жили и активно работали между английской революцией 1688 г. и началом XIX в.» [De Quincey, 1994, p. 40]. В первую очередь де Квинси высоко оценил стремление Бентли анализировать различные варианты одного текста, учитывая их историко-культурный контекст.

Э. Рейвен (Ланкастерский университет, Англия) останавливается на истории издания греческого текста Нового Завета, осуществленного Бентли. Большинство протестантских редакций Нового Завета XVII–XIX вв. базировались на так называемом *textus receptus* (текст, основанный на поздних рукописях византийского типа). До XVIII в. *textus receptus* использовался как своего рода «основной текст», с которым сравнивались другие доступные рукописи. В статье [Bentley, 1713], опубликованной в ответ на «Рассуждения о свободомыслии» (*Discourse of Freethinking*, 1713) английского философа и эссеиста Энтони Коллинза (Anthony Collins, 1676–1729), Бентли защищал издание Нового Завета, подготовленное в 1707 г. Джоном Миллем (John Mill, 1645–1707). Возражая Коллинзу и другим защитникам «основного текста», Бентли призывал уделять должное внимание различиям между собственно текстом Священного Писания и его рукописными копиями, ведь

разнообразии традиций и стилей переписчиков неизбежно приводило к многообразию вариантов. По словам текстолога, при издании как античных рукописей, так и Священного Писания наиболее близкий к подлиннику текст – это результат рассудительности редактора: «...благодаря точному сопоставлению их [копий], сделанному добросовестно и рассудительно, текст становится все более правильным и приближается к истинным словам автора» [Bentley, 1713, р. 63–64]. Иначе говоря, из-за изменчивости рукописной традиции ни одна отдельная рукопись не может абсолютно точно передавать оригинальный текст, но проницательность и профессиональная интуиция могут помочь редактору приблизить текст к «первоисточнику» [Bentley, 1713, р. 68–69].

В 1716 г. в письме к архиепископу Уэйку (William Wake, 1657–1737) Бентли поделился своим желанием отредактировать текст Нового Завета и «вернуть» его к тому варианту, который существовал на момент Никейского собора (начало IV в.). Получив доступ к самому известному в Англии греческому манускрипту Нового Завета – Александрийскому кодексу (датируемому V в.), – он сверил его текст с древними копиями Вульгаты и средневековыми манускриптами. В итоге текстолог пришел к заключению, что все рукописи в ключевых местах совпадают, однако большинство созданных в Средние века греческих копий имеют серьезные расхождения с более древними манускриптами. Э. Рейвен, солидаризируясь с итальянским филологом С. Тимпанаро, автором знаменитой книги «Происхождение лахмановского метода»¹, считает главным достоинством метода Бентли то, что при издании текстов он не ограничивался рамками строго лингвистического анализа, но также проводил и семантический анализ (приводится по англ. пер.: [Timpanaro, 2005, р. 63–64]). Отмечая преимущества предложенного Бентли подхода, Де Квинси в «Исповеди» высоко оценивает его попытку восстановить текст Библии – в ней текстолог меньше, чем в изданиях античных авторов, фокусировался на лингвистических сопоставлениях [De Quincey, 1994, р. 127]. Бентли удалось приблизительно установить время создания некоторых менее известных копий Священного Писания, что впоследствии помогало ему рас-

¹ Timpanaro S. La genesi del metodo di Lachmann. – Firenze : Le Monnier, 1963.

познавать традиции, свойственные переписчикам разных исторических эпох.

Как и Р. Бентли, многие другие текстологи XVII–XIX вв., например Э. Уэллс (Edward Wells, 1667–1727) и К. Лахман (Karl Lachmann, 1793–1851), работали не только с античными, но и с библейскими текстами. Однако в XIX в. связь между филологией и теологией вышла на первый план и была отчетливо сформулирована. И. Гэrrисон приводит в пример теолога и библеиста Вильгельма де Ветте (Wilhelm de Wette, 1780–1849) [Garrison, 2020], одного из основоположников историко-критического метода в библеистике, который утверждал, что работа текстолога является логическим продолжением заложенных Реформацией идей. В трактате «Высшая религия и теология» (*Über Religion und Theologie*, 1815), высоко оценивая работы своих предшественников Й.С. Семлера (Johann Salomo Semler, 1725–1791) и Й.А. Эрнести (Johann August Ernesti, 1707–1781), Де Ветте утверждал, что именно протестантизм навсегда освободил религиозный дух, прежде ограниченный католическими суевериями, и укрепил связь между ним и наукой, желанием очистить религиозные исторические источники от «лжи и примесей» [цит. по: Garrison, 2020, p. 97]. Историко-критический метод осмыслялся им как «протестантизм на службе живой веры», а возвращение к подлинному тексту Писания понималось как устремление к религиозной свободе.

Немецкому ученому Карлу Лахману, в отличие от Бентли, удалось опубликовать свое издание текста Нового Завета. Вдохновившись трудами своего старшего современника Фридриха Шлейермахера (Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher, 1768–1834), которого Лахман считал «своим первым единомышленником и единственным судьей» [цит. по: Garrison, 2020, p. 99], в 1826–1827 гг. он принялся за подготовку издания Нового Завета. Первый вариант (*Editio minor*) был опубликован в 1831 г. без какого-либо научного аппарата или формального введения, но затем Лахман подготовил более пространное издание в двух томах – *Editio Maior*. Несмотря на поддержку Шлейермахера и барона фон Бунзена (Christian Karl Josias von Bunsen, 1791–1860), у Лахмана нашлись и критики, среди которых наиболее влиятельным был Вильгельм де Ветте. Во втором переиздании своего Нового Завета Лахман рассказал о своей реакции на резкую критику: он начал сомневаться в необходи-

мости своего труда и даже откладывал публикацию. Тем не менее, согласно английскому библеисту Сэмюэлю Трегеллсу (Samuel Prideaux Tregelles, 1813–1875), второй том издания Нового Завета был завершён к 1846 г., однако Лахман ждал четыре года и лишь после смерти Де Ветте в 1849 г. опубликовал свою работу (приводится по: [Garrison, 2020, p. 99]).

И. Гэrrисон даёт собственное видение фигуры Лахмана как текстолога-классика и исследователя Нового Завета. Например, сам Лахман утверждал, что в работе над Новым Заветом он применял навыки, доведенные до совершенства во время редактирования античных рукописей, однако, по мнению И. Гэrrисон, его научные интересы в этих двух областях в значительной степени пересекаются. Издание текстов Лукреция было опубликовано незадолго до смерти Лахмана в 1851 г. За работу над ним ученый принялся лишь в октябре 1845 г., в то время как исследование Нового Завета занимало его более двух десятилетий. Таким образом, издание Лукреция не отражало более раннюю фазу становления метода Лахмана, а скорее являлось кульминацией его филологической работы [Garrison, 2020, p. 100].

Лахман разработал особый метод работы с древними текстами, предложив устанавливать взаимосвязи между рукописями на основе выявления в них общих ошибок. До него античные тексты издавались, как правило, по единственной рукописи, невзирая даже на наличие нескольких манускриптов и расхождений между ними. Лахман же видел задачу филолога-издателя текста в том, чтобы установить, что именно автор написал сам, а не приписывать ему безоговорочно все то, что имеется в какой-либо рукописи его произведения [Hertz, 1851, S. 192]. При этом авторский текст следует реконструировать по всем доступным манускриптам. При наличии обширной рукописной традиции какого-либо произведения Лахман стремился построить генеалогическое древо имеющих версий по выявленным между ними различиям и сходствам. По мнению Лахмана, рукописи не могут содержать идентичные *значительные* ошибки, если только они не происходят из одного «источника». На основе выявленных расхождений Лахман строил так называемую стемму – с целью выявить «основную» рукопись, к которой восходят остальные варианты и копии. Завершив стемму, редактор приступал к фактическому воссозданию исходного

текста, с опорой, согласно «системе ветвей» [Dembowski, 1993, p. 514], на наиболее близкую к оригиналу рукопись.

Этот подход, называющийся по сей день «методом Лахмана», был по достоинству оценен текстологами-классиками и оказал значительное влияние на эдиционные практики XX в., особенно в Германии и Италии. Труды Лахмана, по мнению И. Гэrrисон, свидетельствуют об «эkleктичном характере историко-критического метода, который, справедливо или нет, носит его имя» [Garrison, 2020, p. 98]. «Эkleктичность», по мнению исследовательницы, заключалась в объединении и усовершенствовании подходов, разработанных его предшественниками, такими как Иоганн Альбрехт Бенгель (Johann Albrecht Bengel, 1687–1752), Иоганн Якоб Ветштейн (Johann Jacob Wettstein, 1693–1754) и Иоганн Соломон Землер (Johann Salomo Semler, 1725–1791).

Престиж текстологии в XIX в. во многом обуславливался научными достижениями таких влиятельных и харизматичных ученых, как Лахман, Бентли, Хаусман и др., которых филолог-классик из Гарвардского университета Р. Таррант называет «издателями героической эпохи» (heroic editor). «Портрет героического издателя можно составить, обобщив характеристики самого Лахмана», – пишет Таррант [Tarrant, 2016, p. 18], имея в виду острый ум ученого, его полную преданность редакторскому делу, работу с широким спектром текстов и глубину понимания древних литературных произведений. Подобно древнегреческим героям, немецкий ученый, по мнению Тарранта, еще при жизни обрел пережившую его «магическую ауру» [Tarrant, 2016, p. 19] и своими трудами вдохновил многих последователей. Однако не все разделяли подобное отношение к Лахману. Так, в 1905 г. в рецензии на издание стихотворений Катулла Робинсоном Эллисом (Robinson Ellis, 1834–1913) ученый-классик и поэт А.Э. Хаусман высмеял его за откровенное восхищение Лахманом и упрекнул в подражательстве [Tarrant, 2016, p. 20].

Таррант также отмечает, что на метафорическом уровне Лахман считал себя в первую очередь «целителем» – мастером, который избавляет текст от болезней и инфекций: *Illa pestis ingruit, quae... pro uulneribus emplastra et foedissimas cicatrices reliquit* (та чума, что... оставляет бинты и отвратительные шрамы на месте ран) [цит. по: Tarrant, 2016, p. 31]. Если текст целиком или какая-

то его часть не подлежали восстановлению, текстолог уподоблял «страдающие» рукописи находящемуся на грани смерти человеку. Термином «заражение» он обозначал вставки в рукопись из неродственного источника, и, в его представлении, это походило на заразную болезнь. Склонных к ошибкам переписчиков он винил в разрушении текста или признавал виновными в «халатности». Поэтому и себя самого текстолог видел в ходе работы в роли не только целителя (ошибка как болезнь, которую следует вылечить), но и сыщика (ошибка как преступление), судьи или арбитра (выбор между различными вариантами чтений одного и того же места).

Польский исследователь средневековой французской литературы П. Дембовски отмечает, что современных ученых-текстологов, далеких по духу и по времени от предложенной Лахманом методологии, могут удивлять два аспекта в его подходе: уверенность в результатах генеалогической реконструкции и обесценивание дошедших до нас древних рукописей, которые отличались от предположительного «оригинала», «...реальный документ девальвировался в пользу реконструкции. Переписчик был обесценен в пользу автора» [Dembowski, 1993, p. 515]. Именно эти две имплицитные предпосылки лахманизма впоследствии подвергались критике. В начале XX в. французский медиевист Ж. Бедье, исходивший из принципиальной невозможности достоверно и объективно реконструировать отсутствующий протограф, предложил класть в основу публикации наилучшую по суждению издателя рукопись. Почти столетие спустя, в 1990-е годы, создатели «новой филологии» поставили под вопрос само существование «канонической формы» средневекового произведения, поскольку в рамках их концепции переписчик является равным автору субъектом. Он обеспечивает функционирование средневекового текста, который, таким образом, по своей природе существует во множестве равноправных вариантов¹.

Тем не менее Лахман – одна из самых значительных фигур в истории филологии и критического издания текстов. Его заслуга состояла в том, что он усовершенствовал методы многих филологов XVIII в., в первую очередь, тех, кто работал над текстом грече-

¹ На русском языке см. об этом подробнее в: [Глебова, 2020; Шумилин, 2020].

ского Нового Завета, например И.Я. Грисбаха (Johann Jakob Griesbach, 1745–1812) в Германии, Р. Бентли в Англии, и вместе с ними заложил основы современной научной текстологии. Несмотря на критику с разных сторон, метод Лахмана «практически безальтернативно» доминирует в издании античных текстов и сохраняет сильные позиции в некоторых национальных школах и отдельных сферах медиевистики [Шумилин, 2020, с. 31].

Список литературы

1. Глебова Д.С. Рукописная вариация между оригиналом и исследователем (эссе ответственного редактора) // *Vox medii aevi* [Электронный ресурс]. – 2020. – Vol. 1/2(6/7). – С. 14–27. – URL: <http://voxmediiavei.com/2020-1-2-glebova> (дата обращения: 16.10.2022).
2. Шумилин М.В. Ошибка против варианта : «новая филология», латинистика и «плохой язык» // *Vox medii aevi* [Электронный ресурс]. – 2020. – Vol. 1/2(6/7). – С. 28–75. – URL: <http://voxmediiavei.com/2020-1-2-shumilin> (дата обращения: 16.10.2022).
3. Bentley R. Remarks upon a late discourse of free-thinking in a letter to F.H.D.D [Замечания к последнему изданию «Рассуждения о свободомыслии» в письме к Ф.Х.Д.Д.]. – London : John Morphew and E. Curl, 1713. – 86 p.
4. Garrison I. Source, original, and authenticity between philology and theology [Источники, оригинал и подлинность между филологией и теологией] // *Classical philology and theology : entanglement, disavowal, and the godlike scholar* / ed. by Conybeare C., Goldhill S. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2020. – P. 86–109.
5. De Quincey T. Confessions of an English opium-eater [Исповедь англичанина, любителя опиума]. – Hertfordshire : Wordsworth editions, 1994. – 210 p.
6. Dembowski P. The “French” tradition of textual philology and its relevance to the editing of medieval texts [«Французская» текстологическая традиция и ее отношение к редактированию средневековых текстов] // *Modern philology*. – 1993. – Vol. 90, N 4. – P. 512–532.
7. Lapidge M. Textual criticism and the literature of Anglo-Saxon England [Текстология и литература англосаксонской Англии] // *Centre for Anglo-Saxon studies*. – 1991. – N 73(1). – P. 17–46.
8. Timpanaro S. The genesis of Lachmann’s method [Происхождение метода Лахмана]. – Chicago : Chicago univ. press, 2005. – 252 p.
9. Tarrant R. Texts, editors, and readers : methods and problems in Latin textual criticism [Тексты, редакторы и читатели : методы и проблемы латинской текстологии]. – Cambridge : Cambridge univ. press, 2016. – 206 p.
10. Haugen K.L. Richard Bentley : poetry and Enlightenment [Ричард Бентли : поэзия и Просвещение]. – Cambridge : Harvard univ. press, 2011. – 344 p.

11. *Hertz M.* Karl Lachmann, eine Biographie [Карл Лахман, биография]. – Berlin : Wilhelm Hertz, 1851. – 255 S.
12. *Housman A.E.* The classical papers of A.E. Housman [Классические работы А.Э. Хаусмана] / ed. by Diggle J., Goodyear F.R.D. – Cambridge : Cambridge univ. press, 1972. – 428 p.